

приведенную выше.¹ В Хронографе — то же, что у Амартола, с распространением по Манассии: «Бѣ же Василій добръ, хѣбръ, крѣпкорукъ, твердоперсъ, крѣщѣ и мышица имѣа» (ПСРЛ, XXII, 343). Уже из приведенных только что сопоставлений можно судить об отношении составителя Повести к своему источнику: оно — самое свободное; он заимствует общую мысль поправившегося ему мотива или эпизода, но пользуется им, не стесняясь даже отношениями этого эпизода или мотива к другим в его источнике, как это имеет место в значительной степени в старой литературе при заимствованиях; видимо, над автором Повести уже не тяготеет традиционное уважение к букве, традиционная боязнь отступить от написанного в книге; его собственное творчество в его глазах имеет, по видимому, уже право на выражение, не считаясь с авторитетом писания; поэтому у него нет уже стремления говорить словами его источника: взявши мысль или образ из своего источника, автор Повести излагает их своими словами, почему на его рассказе и отражается его личность и индивидуальность. Это свободное отношение к образцу и источнику, характерное для повествовательно-описательного жанра уже XVIII в.,² видимо, своими началами восходит еще к XVII в. и даже, быть может, к первой его половине. И дальнейшее наблюдение над композицией нашей Повести не только подтверждает сделанное, но и дает возможность его расширить.

Имея перед собою в источнике рассказ, сложный по деталям и количеству действующих лиц, притом в большинстве случаев с чуждыми ему именами, составитель Повести очень умело выделил из них самое существенное, относящееся непосредственно к Михаилу и Василию, опустив сложные детали дворцовых интриг, вставные эпизоды (напр., о нападении Руссов, знаменья небесные и т. п.), всю историю Варды и Феодоры, что заставило его выпустить и имена лиц, фигурирующих в этих эпизодах и мелочах, и таким образом сосредоточить внимание читателя на его главных героях — Василии и Михаиле: их имена только и встречаются в Повести. Кроме того, и самый рассказ о них, как видим, он значительно упростил, но при этом, однако, он использовал кое-что и из опущенного им, употребив кое-какие детали в качестве материала для разработки основной своей темы, стало быть, самостоятельно применив их к своим це-

¹ Тут же, кстати сказать, у Амартола идет речь о железных воротах, за которыми содержится дикий, злой конь: может быть, это замечание Амартола дало толчок составителю Повести к общению о железной конюшне, где стоял конь (Унд. 942, л. 2).

² Ср., напр., два пересказа «Девгениева дѣянія» в текстах Пыпина и Тихонравова Сб. ОРЯС, т. XС).